

Steppenvölker Eurasiens
Band III

Степные народы Евразии
Том III

CORPVS TVMVLORVM SCYTHICORVM ET SARMATICORVM 1

UNION ACADÉMIQUE INTERNATIONALE
DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
CENTRE FOR COMPARATIVE STUDIES ON ANCIENT CIVILIZATIONS
INSTITUTE OF WORLD HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT DES RECHERCHES SUR L'ANTIQUITÉ ET LE MOYEN-AGE «AUSONIUS»
CNRS, UNIVERSITÉ DE BORDEAUX III

STEPPENVÖLKER EURASIENS

Band III

CORPVS TVMVLORVM SCYTHICORVM ET SARMATICORVM

Edited by Askold Ivantchik and Hermann Parzinger

INTERNATIONAL CONSULTATIVE BOARD

G. M. Bongard-Levin (Moscow), R. Descat (Bordeaux),
A. Yu. Alexeev (St.-Petersburg), H.-P. Francfort (Paris), G. Gnoli (Rome),
B. Hänsel (Berlin), H. Hauptmann (Heidelberg), Th. Höllmann (Munich),
C. C. Lamberg-Karlovsky (Cambridge, Mass), B. A. Litvinskij (Moscow), V. I. Molodin (Novosibirsk),
M. G. Moškova (Moscow), R. M. Munčaeu (Moscow), M. B. Piotrovskij (St.-Petersburg), S. A. Skoryj (Kiev),
P. P. Toločko (Kiev), L. T. Yablonskij (Moscow)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ АКАДЕМИЙ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИМ ВЕКАМ «АВЗОНИЙ»
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, УНИВЕРСИТЕТ БОРДО III

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ

Том III

CORPVS TVMVLORVM SCYTHICORVM ET SARMATICORVM

Под редакцией Аскольда Иванчика и Германа Парцингера

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Г. М. Бонгард-Левин (Москва), Р. Деска (Бордо),
А. Ю. Алексеев (Санкт-Петербург), К. Ламберг-Карловски (Кембридж),
Б. А. Литвинский (Москва), В. И. Молодин (Новосибирск), М. Г. Мошкова (Москва),
Р. М. Мунчаев (Москва), Г. Ньюли (Рим), М. Б. Пиотровский (Санкт-Петербург), С. А. Скорый (Киев),
П. П. Толочко (Киев), А.-П. Франкфор (Париж), Х. Хауптманн (Гейдельберг), Б. Хензель (Берлин),
Т. Хёллманн (Мюнхен), Л. Т. Яблонский (Москва)

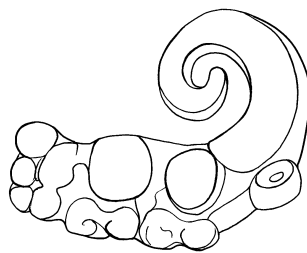
CORPVS TVMVLORVM SCYTHICORVM ET SARMATICORVM

1

Vladimira G. Petrenko

Krasnoznamenskii Burial-ground

Early Scythian Elite Burial-mounds
in the Northern Caucasus

Paleograph Press 2006
Berlin Bordeaux Moscow

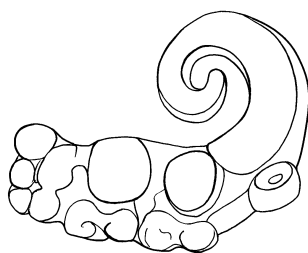
CORPVS TVMVLORVM SCYTHICORVM ET SARMATICORVM

1

Владимира Г. Петренко

Краснознаменский могильник

Элитные курганы раннескифской эпохи
на Северном Кавказе

Палеограф 2006
Берлин Бордо Москва

Владимира Гавриловна Петренко, Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 1. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2006

Vladimira G. Petrenko, Krasnoznamenskii Burial-ground. Early Scythian Elite Burial-mounds in the Northern Caucasus. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 1. Berlin, Bordeaux, Moscow: Paleograph Press, 2006

УДК 902/904(295.1)

ББК 63.4(3)

П 30

Ответственные редакторы: чл.-корр. РАН А. И. Иванчик,
д. и. н. М. Г. Мошкова

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА (ПРОЕКТ № 00-01-16131),
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН
И
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИТАРНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «НАСЛЕДИЕ» (СТАВРОПОЛЬ)

- © Владимира Г. Петренко, 2006
- © Центр сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН, 2006
- © Deutsches Archäologisches Institut, 2006
- © Institut des recherches sur l'Antiquité et le Moyen-Age «Ausonius»,
Bordeaux, 2006
- © Paleograph Press, 2006

ISBN 5-89526-016-0 (Русское издание)

ISBN 5-89526-017-9 (Английское издание)

Содержание

<i>От редакторов</i>	9
Введение	11
Глава 1. Описание погребений	18
Глава 2. Погребальные памятники и погребальный обряд	46
Глава 3. Инвентарь погребений	62
Глава 4. Хронология	108
Заключение	115
Каталог	123
Литература и архивные материалы	149
Список сокращений	160
Даль С. К. Обработка костного материала из раскопок кургана 6 у хутора «Красное знамя»	161
Индекс иллюстраций	175
Таблицы 1–126	177

ОТ РЕДАКТОРОВ СЕРИИ

Предлагаемая вниманию читателя книга открывает новую серию монографий, посвященных публикации скифских и сарматских курганов. Важность этих памятников невозможно переоценить — они являются нашим главным источником по истории и культуре древних кочевников евразийских степей. Еще М. И. Ростовцев писал о необходимости создания корпуса этих памятников. С тех пор сделано много — издан целый ряд книг, посвященных публикации как знаменитых элитных курганов (Солоха, Чертомлык, Толстая могила, Келермесские курганы и др.), так и более скромных рядовых курганных некрополей. При этом количество исследованных курганов скифов и сарматов постоянно растет благодаря интенсивным раскопкам на территории Украины и южной России. Несмотря на замедление темпов этих раскопок в последнее десятилетие, связанное с резким сокращением их финансирования, работы на курганах все же продолжаются и приносят новые интересные результаты. Однако их публикация слишком часто отстает от самих раскопок: многие важные памятники десятилетиями остаются неизданными или публикуются лишь частично, в виде кратких сообщений в научной литературе или даже в каталогах выставок, где основное внимание привлекают лишь самые яркие, «музейные», предметы. До сих пор полностью не опубликованы даже некоторые знаменитые «царские» курганы, раскопанные еще в XIX и начале XX в. (Александропольский, Огуз, Козел), не говоря уже о многочисленных не менее важных (хотя иногда и менее ярких) памятниках, раскопанных в последние десятилетия.

Мы надеемся, что новая серия позволит хотя бы частично исправить положение. В нее будут включаться новые публикации скифских и сарматских курганов независимо от времени их раскопок. Название «Корпус» указывает на стремление объединить в рамках серии максимально возможное количество публикаций курганных памятников, причем выполненных в соответствии с общими для серии требованиями. Главными из них является полнота публикации (она должна включать всю доступную информацию о публикуемом памятнике) и ее высокий научный уровень. Разумеется, серия не может претендовать на то, чтобы стать корпусом в полном смысле слова, т. е. включать публикацию всех курганов. Так, в нее не войдут курганы, уже опубликованные ранее достаточно полно и на достаточно высоком научном уровне (например, уже упоминавшиеся раньше Келермесские курганы или Чертомлык), или те, публикации которых появятся в будущем вне пределов серии.

Поскольку задачи новой серии в значительной степени совпадают с задачами серии «Степные народы Евразии», которую мы издаем с 1997 г., мы решили публиковать «Корпус скифских и сарматских курганов» в виде ее подсерии. В рамках серии «Степные народы Евразии» будут по-прежнему издаваться работы, выходящие за рамки «Корпуса», например, публикации некурганых памятников или книги, не являющиеся публикацией одного конкретного памятника (кургана или курганной группы).

Создание свода скифских и сарматских курганов, разумеется, невозможно без сотрудничества специалистов из разных стран и разных научных учреждений. Для координации их усилий создается консультативный совет серии, в который входят представители разных стран и разных научных центров, где ведутся исследования по скифской и сарматской археологии. Археология восточноевропейских степей, долгое время остававшаяся монополией ученых бывшего Советского Союза, в последнее время все более привлекает внимание ученых Запада. Однако достижения русскоязычных исследователей, в том числе представляющие большой интерес для смежных дисциплин (например, передневожосточной или классической археологии), пока остаются плохо доступными для их западных коллег из-за языкового барьера. Поэтому книги данной серии будут выходить в двух вариантах — по-русски и на одном из западноевропейских языков, как правило по-английски, но возможно и по-немецки или французски.

Свидетельством интернационализации исследований по евразийской археологии стало и расширение состава издателей «Корпуса». К Немецкому археологическому институту и Центру по сравнительному изучению древних цивилизаций РАН, бывших издателями серии «Степные народы Евразии», теперь присоединился Институт

исследований по древности и средним векам «Авзоний» (Бордо, Франция). Более того, весь проект принят под эгиду Международного союза академий, что дополнительно подчеркивает его интернациональный характер. Мы надеемся, что эта серия, которую открывает публикация одного из важнейших памятников древнейшего периода развития скифской культуры, будет успешно развиваться и со временем превратится в удобный и привычный инструмент работы специалистов по древней истории и археологии не только евразийских степей, но и соседних районов.

А. Иванчик, Г. Парцингер

ВВЕДЕНИЕ

1973 год. Стройка коммунизма — II-я очередь Большого Ставропольского канала подошла к курганному могильнику. Непосредственно на трассе канала оказался самый большой курган, одиннадцатиметровой высоты (Табл. 1; 107, 1). Как развивались события дальше восстановить не удалось. В Институт археологии АН СССР сообщение о разрушении пришло в августе, когда большая часть насыпи уже была скрыта строителями. Работы велись с применением мощной, современной техники, и никто не обращал внимания на то, что в кузова БЕЛАЗов грузились обломки каменных сооружений. Когда я приехала оценить масштабы разрушения и возможности исследования кургана, оказалось, что даже вернуться в Москву для организации экспедиции невозможно, так как памятнику грозило полное разрушение. От зафиксированного в начале строительных работ одиннадцатиметрового кургана осталась довольно бесформенная, растащенная механизмами насыпь высотой 2–2,5 м, поверхность которой была изрыта ковшом экскаватора, черпавшего землю и здесь же грузившего ее в подъезжающие машины. С западной стороны был вырыт котлован, с восточной и южной подступало русло канала. Организовывать экспедицию пришлось «на ходу». При активном участии Ставропольского краевого краеведческого музея им. Г. К. Праве и его директора Г. В. Орлова и зам. директора В. В. Госданкера, поддержавших экспедицию перед местными властями, командировавших своего сотрудника А. В. Найденко и снабдивших нас минимально необходимым оборудованием, мы смогли приступить к началу работ уже спустя неделю. Однако первоначальный состав был крайне малочислен. Помимо А. В. Найденко, ставшего зам. начальника экспедиции, это был ст. лаборант института А. В. Чернецов, студенты Ставропольского Пединститута А. Дворниченко, В. Мезенцев, И. Отюцкий и мои сыновья А. и В. Скориковы. Консультация и помощь в обнаружении кругов плетня в верхних слоях насыпи была оказана побывавшим на раскопках научным сотрудником Института археологии АН СССР И. С. Каменецким. Развернуть более масштабные работы удалось только в сентябре месяце, когда из Института нам в помощь были последовательно командированы сотрудники института Ю. Ю. Моргунов, А. В. Куйбышев, Г. Н. Пронин, архитекторы и затем отправлена машина с оборудованием, а Ставропольский педагогический институт прислал на практику группу студентов истфака. Управление строительством БСК требовало от нас завершения раскопок кургана уже в 1973 году. Как оказалось, это было невыполнимое условие и после длительных переговоров удалось договориться об окончании работ летом 1974 года. Наши попытки сохранить памятник, даже когда в 1974 году выяснилась его уникальность и большая научная значимость, не увенчались успехом¹. Строители неустанно требовали от нас ускорения работ, что несомненно не могло не сказаться на полноте исследования. В результате каменные обкладки насыпи и рва расчищались выборочно, отдельными участками, целый ряд работ выполнялся не вручную, а механизмами. Выручал высокий класс работавших с нами бульдозеристов², среди которых особой виртуозностью отличался Н. Плохих. В 1974 году в работах экспедиции в разное время приняли участие научные сотрудники скифо-сарматского сектора И. С. Каменецкий, В. И. Козенкова, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, А. И. Пузикова, аспирант В. А. Кореняко и ряд других сотрудников Института археологии Академии Наук СССР — С. Н. Михальченко, Ю. Ю. Моргунов, Я. М. Паромов. Ю. Ю. Моргуновым были выполнены все фотора-

¹ Соответствующие обращения за подписью академика Б. А. Рыбакова, в то время директора Института археологии АН СССР, были направлены и в Министерство культуры на имя Е. А. Фурцевой, и в Министерство мелиорации.

² Техника для производства работ выделялась администрацией БСК. Ею же в 1974 году на раскопки были командированы солдаты строительной части.

Разговор с министром мелиорации СССР, 1974 г.

боты, а Я. М. Паромовым — основные чертежи сооружений по кургану 1. Для фотосъемки общих планов использовался вертолет. В 1974 году, ввиду того, что раскопки посещало весьма значительное количество жителей Ставрополя, для проведения экскурсий была прислана сотрудница Ставропольского музея В. А. Блохина (Ракова).

В следующие годы (1975, 1978, 1979) производились планомерные раскопки остальных курганов могильника. В 1975 году в работе приняли участие сотрудники ИА АН СССР С. Н. Корневский, С. Н. Михальченко; аспирантка Е. В. Переводчикова и в 1979 аспирант А. С. Суразаков. Все годы работы экспедиции на Краснознаменском могильнике в ней участвовали студенты истфака Ставропольского Педагогического института, часть из которых в дальнейшей своей деятельности, в той или иной степени, связали свою судьбу с археологией. Это И. В. Отюцкий, Н. А. Охонько, Ю. Н. Литвиненко. Выражая искреннюю благодарность всем участникам раскопок Краснознаменского могильника, хочется особо отметить, что без бескорыстной помощи и консультаций моих коллег по скифо-сарматскому сектору выполнение работ в период 1973–1974 гг., когда требовалось в короткие сроки исследовать сложный уникальный памятник, было бы практически невозможно.

Помимо Ставропольского краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, большую организационную, а в ряде случаев и финансовую, помощь в работах экспедиции оказали краевые и районные организации: Управление культуры Ставропольского Крайисполкома, Ставропольское отделение ВООПИК, исполком и райком Александровского района, Александровский филиал Ставропольского музея, отдел культуры Александровского райисполкома и многие другие учреждения.

Краснознаменский могильник был раскопан полностью в течение шести полевых сезонов 1973, 1974, 1975, 1978, 1979 и 1980 годов. Сведения о раскопках сообщались в выпусках об археологических открытиях соответствующих лет³. Отдельные вопросы касающиеся как каждого из курганов в целом, так и деталей погребального обряда и инвентаря могильника, нашли отражение в докладах на конференциях и заседаниях скифо-сарматского отдела и в печати⁴. Сведения о могильнике были включены также в ряд общих работ по археологии данного региона⁵. Однако полной публикации результатов раскопок всех курганов у хут. Красное Знамя до сих пор не существовало.

В 70-е годы Управление культуры Ставропольского крайисполкома предполагало сделать Краснознаменский могильник объектом туристического маршрута. После того, как сооружения кургана 1 сохранить не удалось, и через него прошло русло канала второй очереди БСК, было решено сохранить склепы курганов 4 и 8 и реконст-

³ Петренко и др. 1974; Петренко 1975; Петренко и др. 1976; Петренко 1979, 1980, 1981.

⁴ Петренко 1975а; 1976; 1979а; 1980а; 1980б; 1982а; 1983; 1984; 1986;

1994.

⁵ Петренко 1986а; 1989; 1990; 1994; Petrenko 1995.

руировать другие курганы. Этим объясняется то, что разрезы сооружений чертились поверху без нарушения целостности стен. Около кургана 8 было оставлено каменное изваяние из него, туда же перевезено изваяние из с. Александровское. Впоследствии каменное сооружение кургана 8 было засыпано.

Так как могильник оказался первым систематически раскопанным памятником скифской архаики на Северном Кавказе, он привлек внимание многих исследователей, которые использовали в обобщающих работах по истории скифов на Северном Кавказе извлеченные из кратких сообщений отдельные сведения о нем⁶ или отдельные вещевые материалы⁷. Кроме того, рассматривались вопросы хронологии памятника⁸ и трактовки отдельных предметов⁹.

Однако ввиду краткости публикаций и иных причин, сведения, приведенные некоторыми исследователями, оказывались иногда, мягко говоря, неточными. Приведу лишь несколько примеров. Так, в монографии В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина¹⁰ курганы могильника оказались разделенными на неизвестно где находящийся «Большой Ставропольский курган» (№ 1) и «три кургана у хут. Красное Знамя под г. Ставрополем», в то время как могильник находится в 100 км от г. Ставрополя. В книге С. В. Махортых¹¹ высказывается предположение об употреблении «костяных псалиев из клыков кабана с золотой обкладкой посередине» из южной могилы кургана 1 в качестве «заменителей металлических бляшек и обоймиц», в то время как их расположение на морде лошади не оставляет сомнений в том, что это псалии, а отмеченные С. В. Махортых четыре отверстия служили для укрепления заклепок, проткнутых через какой-то несохранившийся наполнитель полой части клыка. Им также неточно описываются насыпь кургана 1 и погребальные сооружения могильника, что ведет к поверхностным сопоставлениям¹². В. Ю. Мурзин пишет о наличии кольцевого земляного вала вокруг кургана 1, ссылаясь на несуществующие данные в АО 1973 и 1974 годов¹³, о жертвенном комплексе «рядом с крепидой», а не внутри нее, и, как мне кажется, неправомерно сопоставляет круги плетня этого кургана с элементами конструкции кургана 4 у с. Гойты¹⁴. Г. Коссак в работе об истоках скифо-иранского звериного стиля, придавая большое значение стилистическим особенностям изображения, необоснованно сравнивает фрагмент пронизи с головкой грифо-барана (Табл. 48; 74; Кат. 62) из кургана 1 с грубыми, примитивными подражаниями данному образу в курганах Правобережной лесостепи¹⁵, в то время как она имеет почти точные аналогии среди классических образцов данного мотива из курганов 1/В и 2/В Келермесского могильника¹⁶.

Археологические исследования в степной части Ставрополья начались сравнительно поздно. Первые сведения об открытии предметов древности поступали из Канцелярии главнокомандующего гражданской частью на Кавказе. Так, в 1885 году в Археологическую комиссию было сообщено о находке ряда предметов, среди которых была и «медная вещь, имеющая вид тарелки с рукоятью, — при распашке ... на Крымгиреевской¹⁷ степи». Это оказалось прекрасно выполненное бронзовое зеркало «ольвийского» типа, ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже¹⁸. Были и другие сообщения, касающиеся находок наконечников стрел, мелких украшений и т. п.

Несколько ранее, в 1880–1881 годах, в районе г. Ставрополя проводил раскопки генерал Эркерт¹⁹. Первый курган, раскопанный южнее города, дал интересный комплекс V в. до н. э. Он вошел в некоторые исследования как курган 1883 года²⁰. Второй из раскопанных им курганов, в 2 км к юго-востоку от города, высотой 3 м, содержал разрушенное погребение со следами сожжения, сопровождавшееся крупными корчагами с резным орнаментом, близкими посуде Краснознаменского могильника²¹. Скелет находился в вытянутом положении на спине, головой на запад. Насыпь кургана была перекрыта камнем. Можно предполагать и какое-то каменное погребальное сооружение, однако из-за неясности описания определенно что-либо утверждать невозможно.

Попытка систематических исследований курганов на севере Ставропольского края, предпринятая Н. И. Веселовским в 1910 году, не дала сколько-нибудь интересных результатов. Он произвел раскопки в разных районах края, в селах Александрии, Орехове, Высоцком и других местах, но обнаруженные здесь погребения эпохи бронзы не привлекли внимания исследователя и в дальнейшем раскопки на Ставрополье не возобновились²².

⁶ Мурзин 1978, 1984; Ильинская, Тереножкин 1983; Махортых 1991.

⁷ Переводчикова 1980, 26, 36, Рис. 5, 7; Черненко 1981, 41, Рис. 25.

⁸ Полин 1987, 17–19; Коссак 1987, 81–83; Медведская 1992, 87–94; Алексеев 1992, 55; Корняко 1990.

⁹ Бессонова 1983, 40.

¹⁰ Ильинская, Тереножкин 1983, 51–52.

¹¹ Махортых 1991, 70.

¹² Махортых 1991, 18, 20, 21, 23 и др.

¹³ АО 1973 и 1974.

¹⁴ Мурзин 1982, 58; он же 1990, 47; Марковин 1965, 166–167, Рис. 7.

¹⁵ Kossack 1987, 83.

¹⁶ Галанина 1997, Табл. 21, 22.

¹⁷ Село Крымгиреевское находится примерно в 30 км к югу от хут. Красное Знамя.

¹⁸ Бобринский 1901, 68–69, Рис. 18.

¹⁹ *ZfE*, 15, 1883, 170–174.

²⁰ Виноградов 1972, 34; Ильинская, Тереножкин 1983, 52.

²¹ *ZfE*, 15, 1883, 174, Рис. 1а–с, 2.

²² ОАК 1909–1910 гг., 157–160.

В 20-ые годы обследования и раскопки в крае проводит заведующий Музеем Северного Кавказа Г. Н. Прозрителев. Предваряя отчет о работах в Ставропольском округе в 1924 г., он писал: «Едва ли где-либо развито так кладоискательство, как в Ставропольской губернии. Здесь из поколения в поколение, от отца к сыну передаются легенды о кладях, и курганы разрываются согласно ‘кладовых записей’. Ища золота, кладоискатели уничтожают все остальное, не придавая ему значения. Никакой запрет не помогает, и бороться с этим злом можно только путем ведения систематических и правильных обследований и раскопок»²³. В 1924 г. Г. Н. Прозрителев доследовал курган, который «начали раскапывать кладоискатели, а далее продолжили чины милиции»²⁴. Курган располагался в 20 верстах к югу от тогдашней границы г. Ставрополя. Г. Н. Прозрителев не сумел понять конструкцию ограбленного и разрушенного каменного погребального сооружения, но правильно определил его принадлежность к скифскому периоду²⁵. В настоящее время утрачены все найденные в кургане вещи. Опубликованная А. А. Иессеном керамика²⁶ отсутствовала в собрании музея уже к 1956 году, но и бывшие в наличии вещи остались неопубликованными²⁷. Имеющаяся в архиве ИИМК очень мелкая фотография не воспроизводит предметы с достаточной ясностью. Поэтому дата данного комплекса, позже не раз обсуждавшаяся²⁸, остается широкой в пределах второй половины VII – середины VI вв. до н. э.

Первую общую оценку раннескифских памятников Северного Кавказа и в частности Центрального Предкавказья дал А. А. Иессен²⁹. Выделив древнейшую ступень в развитии скифской культуры, он предложил разделить ее на две хронологические группы — «непосредственно предкелермесскую и группу еще более раннюю, предшествующую первой»³⁰. В предкелермесской группе в Центральном Предкавказье в качестве эталонных памятников он назвал: комплекс из хут. Алексеевского, вышеназванный курган 1924 года у г. Ставрополя и «некоторые погребения в Моздоке», определив их дату как вторая половина VII / рубеж VII–VI вв. до н. э.³¹

Последующие находки, как отдельных вещей, так и комплексов предметов, в основном связаны со случайными поступлениями. В 1953 году Т. М. Минаева доследовала подкурганное погребение конца VII в. до н. э. близ г. Ставрополя, которое она отнесла к VI в. до н. э.³² В. А. Ильинская на основании разбора стрел из погребения повторила эту дату, хотя и отметила наличие в нем стрел жаботинского типа³³. Однако в последней своей книге, написанной вместе с А. И. Тереножкиным, она датировала его концом VII в. до н. э.³⁴ Со ссылкой на Т. М. Минаеву В. Ю. Мурзин³⁵ отнес курган к рубежу VII–VI вв. до н. э., В. Г. Петренко и В. Махортых — к VII в. до н. э.³⁶

В 1968 году раннескифское подкурганное погребение, вскрытое при земляных работах на северо-западной окраине г. Ставрополя, было доследовано А. Л. Нечитайло, но, к сожалению, сведения о нем были сообщены ею лишь в периодической печати. По сообщению А. Л. Нечитайло со слов рабочих, в могильной яме лежал человеческий скелет, вытянуто на спине, головой на юго-восток. У изголовья его находился железный наконечник копья и железный меч длиной 70 см с сердцевидным перекрестьем. Однако доследование показало, что в могиле было не менее двух, а возможно и три скелета. В потревоженном состоянии были найдены еще железный стержневой браслет с заходящими концами и черепки сероглиняного плохо обожженного горшка с шероховатой поверхностью. Основной погребенный, о котором говорили рабочие, был положен в северной части могилы вместе с конем. А. Л. Нечитайло сообщает и о другой случайной находке. При планировке площади бульдозером вблизи обнаруженного подкурганного захоронения был срыт второй небольшой курган. Погребенный в нем сопровождался железным кинжалом длиной 30 см с сердцевидным перекрестьем и антенным навершием. Дата обоих погребений определяется ею в пределах VI в. до н. э.³⁷

Материалы скифского периода, имевшиеся в Ставропольском музее на 1956 год, опубликованы Т. М. Минаевой³⁸. Среди них были, вероятно, не совсем полные комплексы воинских погребений из хутора Алексеевского³⁹ и близ с. Сотниковского, а также целый ряд случайных находок вещей воинского обихода раннескифского

²³ Архив ИИМК, 1925, дело № 32.

²⁴ Архив ИИМК, 1924, дело № 151; 1925, дело № 32.

²⁵ Прозрителев 1924, 67–69.

²⁶ Иессен 1954, 117.

²⁷ Минаева 1956, 332.

²⁸ Виноградов, Дударев 1983.

²⁹ Иессен 1953, 1954.

³⁰ Иессен 1954, 116.

³¹ Иессен 1954, 116–119; Иессен, Пиотровский 1940.

³² Минаева 1956, 331; она же 1965, 36, рис. 9.

³³ Ілїнська 1973, 191.

³⁴ Ильинская, Тереножкин 1983, 51.

³⁵ Мурзин 1978, 26.

³⁶ Петренко 1983, 64; она же 1990, 65–72; Махортых 1991, 115.

³⁷ Нечитайло 1968.

³⁸ Минаева 1956, 329.

³⁹ Следует обратить внимание, что Т. М. Минаева (1956, 331) указывает следующий паспорт находки «за № 3586 ... находка близ хутора Алексеевского, у села Казинского Курсавского района Ставропольского края»; те же данные указаны и у А. А. Иессена (Иессен 1954, 117–118). Однако в последующих работах находка фигурирует уже как курган (Виноградов 1971, 4; Виноградов, Дударев 1983, 51; Мурзин 1978, 25; Махортых 1991, 43), как курган под Ставрополем (Ильинская 1973, 18; Ильинская, Тереножкин 1983, 18, карта, с. 22).

Взрывные работы на строительстве канала вблизи продолжающихся раскопок, 1974 г.

времени: мечи, наконечники стрел, удила и псаии. В последующие годы поступление отдельных предметов раннескифского оружия продолжалось: из района Ставропольского конзавода и из с. Татарка под Ставрополем поступили бронзовые двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел, каменное изваяние, из района г. Ставрополя — железные кинжалы с брусковидными навершиями и почковидными и бабочковидными перекрестьями и т. п. Из перечисленного явствует, что единичные раскопанные до наших работ погребения и случайные находки отражали присутствие в степях Ставрополья в VII – VI вв. до н. э. скифского воинского контингента, в большинстве случаев всаднического.

Все кочевнические погребения Ставропольского плато и соседних районов Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и частично Карачаево-Черкессии, имевшиеся на начало 70-х годов, были собраны и проанализированы в работе В. Б. Виноградова⁴⁰. Его вклад в проблему пребывания скифов на Центральном и Северо-восточном Кавказе и на сегодняшний день остается наиболее весомым. К сожалению, подавляющее большинство материалов, известных ко времени написания его работы, принадлежало разрозненным, случайно раскопанным непрофессионалами, или доследованным после разграбления, памятникам, что зачастую не давало возможности составить представление о характере погребальных сооружений и обряда и затрудняло этно-культурное определение их.

Публикуемый ниже могильник у хут. Красное Знамя явился первым полностью раскопанным раннескифским могильником на Ставропольском плато. Как будет показано ниже, он существовал в течение короткого промежутка времени, что позволяет рассмотреть разнообразие форм проявления различных сторон погребальной обрядности на узком хронологическом отрезке, кроме того, показать его своеобразие и место среди известных немногочисленных памятников этого времени. Могильник относится к периоду ранней истории скифов, до сих пор еще недостаточно изученному. Детальное исследование всех возможных аспектов материальной культуры этого периода, даже в узко локальном регионе, поможет выяснению вопросов происхождения скифской культуры, ее хронологии и изучению контактов с переднеазиатскими цивилизациями, как в сфере материальной культуры, так и идеологии.

⁴⁰ Виноградов 1972.

На раскопках Кургана 1, 1974 г.

Трудности, возникшие при исследовании, прежде всего объясняются разграбленностью и разрушенностью могил, а вследствие этого невозможностью полностью выяснить такие важные черты погребального ритуала, как обряд погребения, состав инвентаря и его место в могиле. Отсутствие этих данных мешает окончательному решению многих вопросов, встающих перед исследователем, и в частности проблемы взаимоотношений местного земледельческого населения, носителей кобанской культуры, со скифами. Все это делает выводы, которые будут предложены в заключении, предварительными. Определение этно-культурной принадлежности исследуемого могильника осложняется также весьма незначительным количеством синхронных заведомо скифских памятников на территории Северного Причерноморья, особенно в его степной части⁴¹, что побуждает прибегать к расширению хронологического диапазона при сравнении материалов из могильника с заведомо скифскими.

Напротив, в Центральном Предкавказье, уже после завершения раскопок Краснознаменского могильника, исследован целый ряд раннескифских могильников и отдельных курганов, в том числе функционировавших длительный период времени; поступали и отдельные находки. Перечислю основные из них.

В 1975 году отряд нашей экспедиции, руководимый В. А. Коренько, раскопал на левобережье р. Кумы у восточной окраины с. Новозаведенное Георгиевского района Ставропольского края курган, в котором оказалось разграбленное погребение, сопровождавшееся ассирийской чашей VII в. до н. э. (дата погребения по В. А. Коренько — VI в. до н. э.), принадлежавшее, по-видимому, представителю скифского всадничества⁴². В 1985 году Краснознаменской экспедицией был открыт второй могильник скифского времени за северо-западной окраиной того же села — Новозаведенное II. Как показали раскопки 1985–1998 гг., это был некрополь элитарной родо-племенной группы кочевников, обитавшей в этом районе в VII — нач. VI вв. до н. э. Других курганных могильников скифского времени нашей экспедиции на Ставропольском плато выявить не удалось. Попытка отыскать их вблизи хутора (ныне села) Алексеевского Курсавского района, несмотря на находку на кургане у с. Воровсколеское скифского каменного изваяния⁴³, не принесла желаемых результатов.

⁴¹ Мурзин 1982, 48; Ольховский 1978; он же 1991, 56; Черненко и др. 1986, 345.

⁴² Коренько 1976, 128; он же 1981, 67–68.

⁴³ Петренко 1986а.

В 1984 году на юго-западной окраине г. Ставрополя экспедицией Ставропольского музея им. Г. К. Праве под руководством Н. А. Охонько был раскопан курган, содержащий под насыпью каменные сооружения, близкие по конструкции кургану 1 у хутора Красное Знамя. Время возведения его предварительно определяется в пределах конца VII – начала VI вв. до н. э.⁴⁴ Вполне вероятно, что он принадлежал тому же могильнику, что и курган 1924 года.

В 1989 году в Ставропольский музей поступили вещи из разрушенного погребения в окрестностях хут. Усть-Невинский Кочубеевского района. Они происходили из кургана, на вершине которого находилось скифское каменное изваяние. Интересно отметить, что погребенный был положен головой на ЮЮВ и сопровождался золотыми бляшками, выполненными в раннескифском зверином стиле, а также предметами вооружения, включавшими 29 бронзовых двухлопастных наконечников стрел VII в. до н. э.⁴⁵

Особый интерес для нашей темы представляют и материалы полностью исследованного могильника у с. Нартан под Нальчиком, расположенного в равнинном районе Кабардино-Балкарии и состоящего из 24 курганов. Первый исследователь этого могильника определил его этническую принадлежность как «скифскую» в широком понимании этого термина, имея в виду возможность включения в него и других групп кочевников, а также время сооружения курганов в пределах середины VII – конца VI / начала V вв. до н. э.⁴⁶ Иной взгляд на культурную и этническую принадлежность данного памятника высказали М. П. Абрамова и В. И. Козенкова, считая его принадлежащим группе «этнически родственной какой-либо горской племенной группировке», но в силу близкого территориального контакта последовательно заимствовавшей в одном поколении элементы скифской культуры, а позднее савроматской и сарматской⁴⁷. В дальнейшем М. П. Абрамова уточнила свое отношение к этим памятникам. Она пишет: «Курганный обряд, присутствие в погребениях конских захоронений, довольно богатый инвентарь, в первую очередь предметы вооружения, позволяют интерпретировать Нартанский и Нальчикский могильники как кладбища представителей кочевых племен или их потомков. Но скорченное положение покойных... свидетельствует..., что эта воинская знать не смогла сохранить в чистом виде свои степные традиции. Обитая на территории Центрального Предкавказья в окружении местных оседлых племен, она смешивалась с ними, воспринимая черты их культуры». В результате взаимовлияний происходит «формирование совершенно новой по этническому составу группы населения»⁴⁸. Большинство исследователей, учитывая характерные для этого могильника черты культуры, атрибутировали его как скифский⁴⁹. В данном контексте замечу только одно: именно самые ранние погребения Нартанского могильника (курганы 12, 13, 14, 16, 19, 20, 21) содержат максимальное количество черт сходства с раннескифскими, как в погребальных сооружениях, так и в обряде и инвентаре, включая вещи, украшенные характерными образами скифского звериного стиля.

Изучение материалов из вышеперечисленных памятников, включая Краснознаменский могильник, позволило документально подтвердить постоянное пребывание степного кочевнического населения на территории Центрального Предкавказья с середины VII в. до н. э., обосновать раннюю дату возникновения могильников и непрерывность развития большинства форм погребальных сооружений и вещевого комплекса как в пределах могильников, так и всего региона в целом⁵⁰. Последней обобщающей работой по Северному Кавказу явилась монография С. В. Махортых⁵¹, в которой рассмотрены все скифские памятники в единой системе. Включены и неполные данные по Краснознаменскому могильнику.

Цель данной работы полная публикация уникального памятника, каким до сих пор остается Краснознаменский могильник. Работа была закончена в 1999 г., но в силу ряда причин издание ее задержалось и исследования последних лет по раннескифской проблематике оказались не учтенными. Приношу большую благодарность всем, кто оказал мне помощь в работе над монографией и особенно рецензентам А. И. Мелюковой и В. Б. Ковалевской, которые на разных этапах подготовки книги знакомились с текстами и сделали ряд ценных замечаний. Я признательна также А. Б. Белинскому и руководимому им фонду «Наследие» за финансовую поддержку в издании данной книги и помощь в подготовке фотоматериалов.

⁴⁴ Охонько, Петренко 1992.

⁴⁵ Соломатина 1995, 105–109; тут же публикуется и раннескифское каменное изваяние из с. Татарка.

⁴⁶ Батчаев 1985, 51–53.

⁴⁷ Абрамова, Козенкова 1985, 3–5.

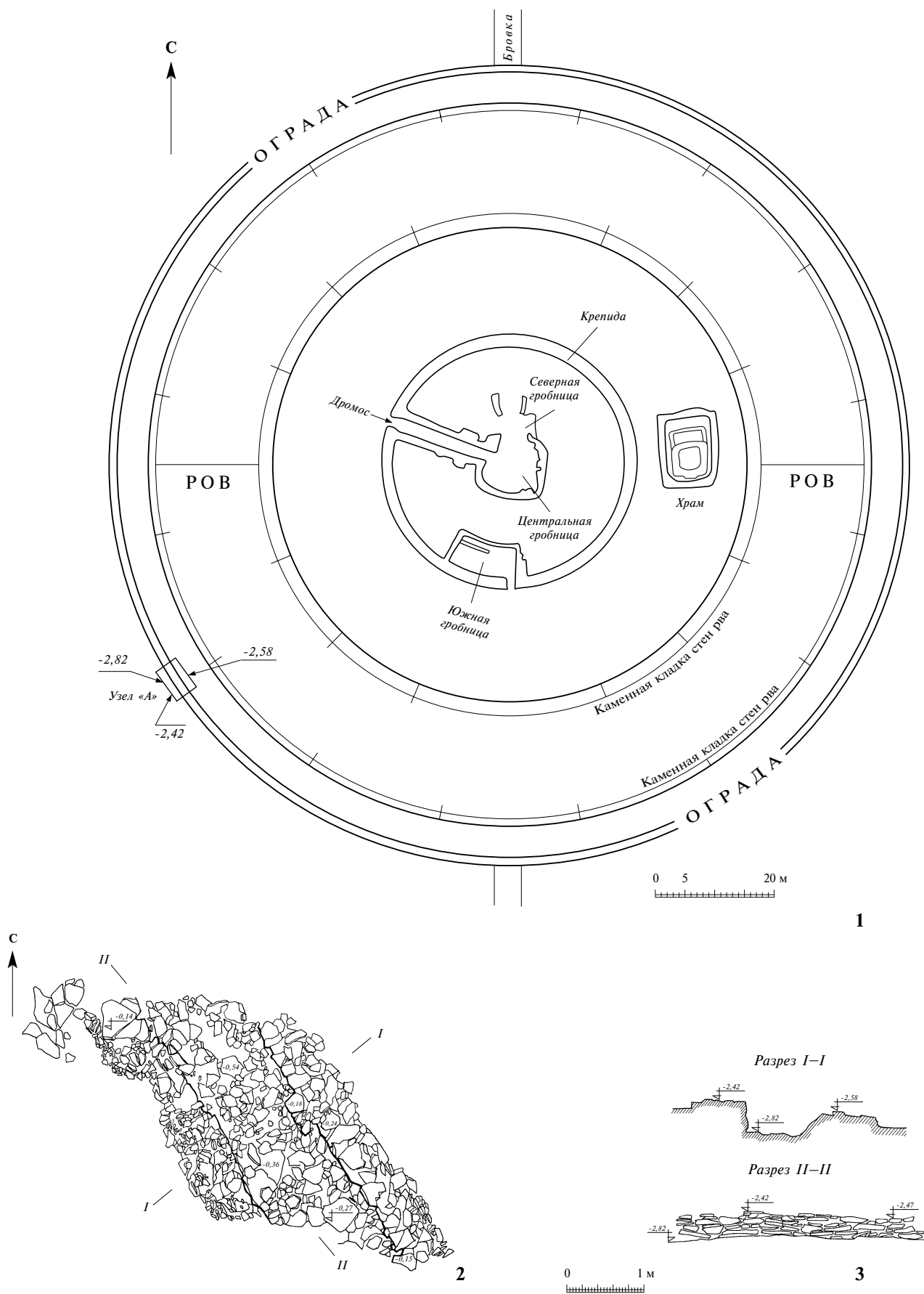
⁴⁸ Абрамова 1990, 116–119.

⁴⁹ Алексеев 1992, 49–50; Махортых 1991; Мурзин 1990, 48–49; Галанина 1997, 210; Петренко 1989, 216–219.

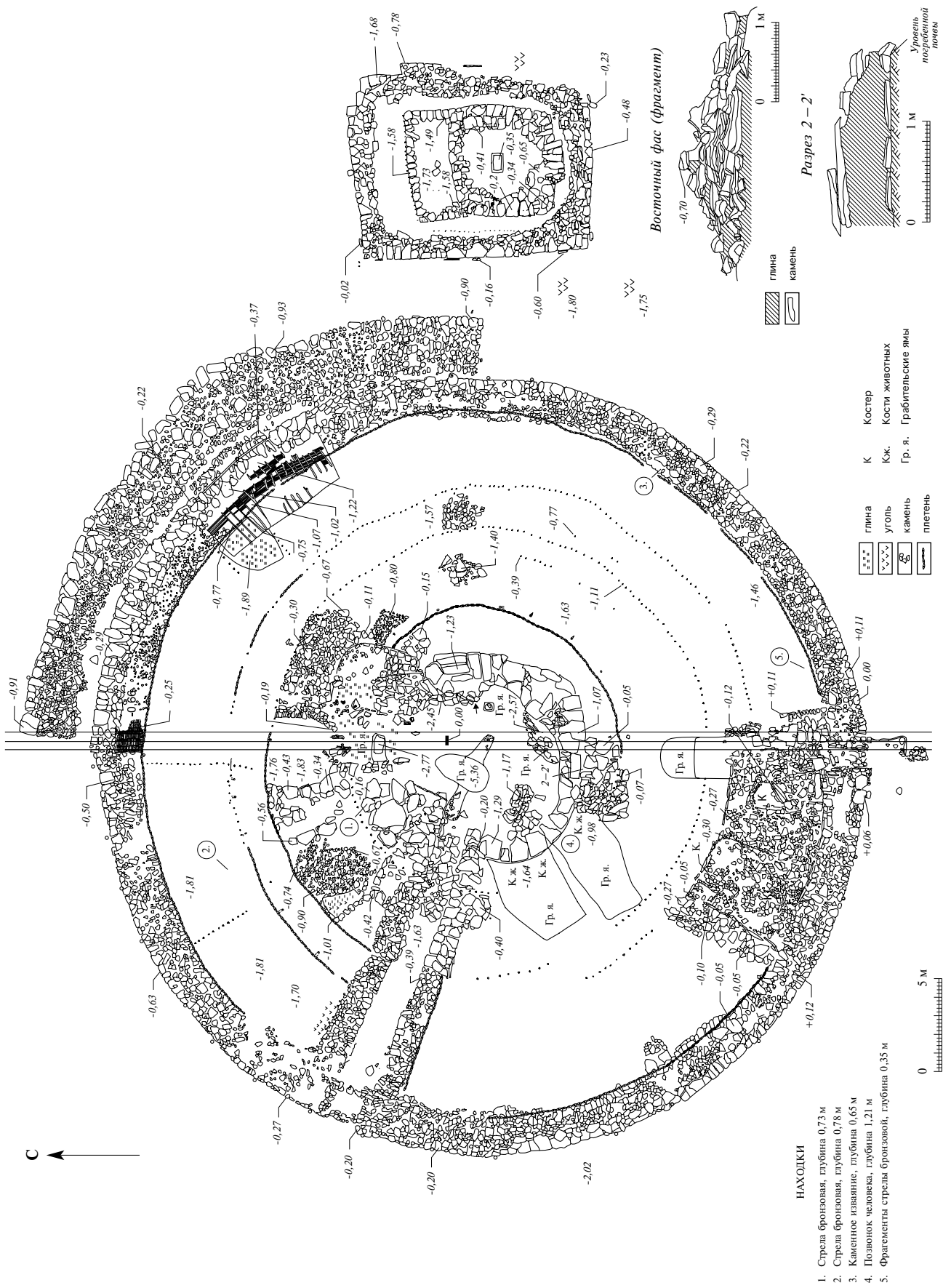
⁵⁰ Батчаев 1985; Мурзин 1978; Петренко 1983; она же 1989; она же 1990; Махортых 1991; Petrenko 1994.

⁵¹ Махортых 1991.

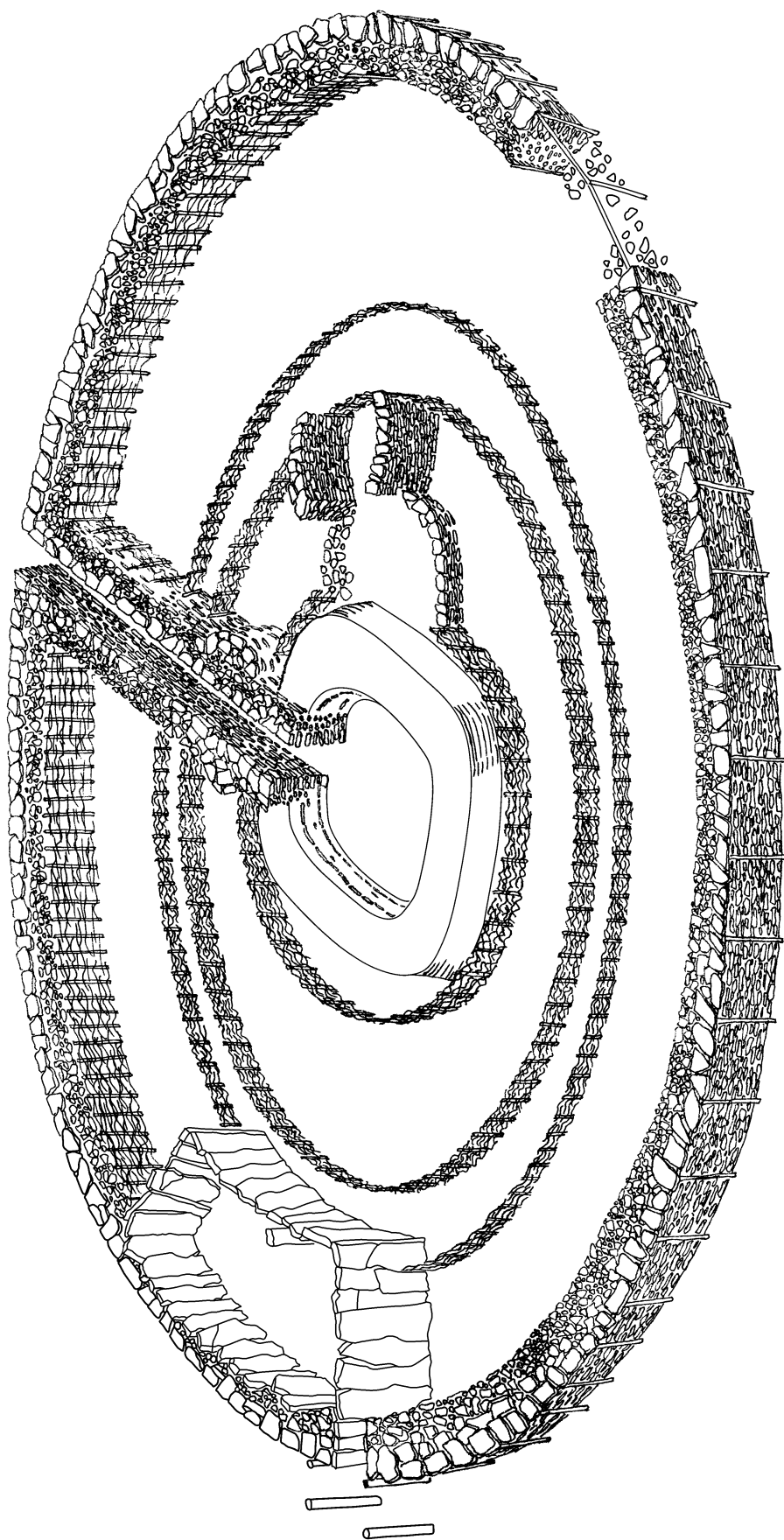
ТАБЛИЦА 2

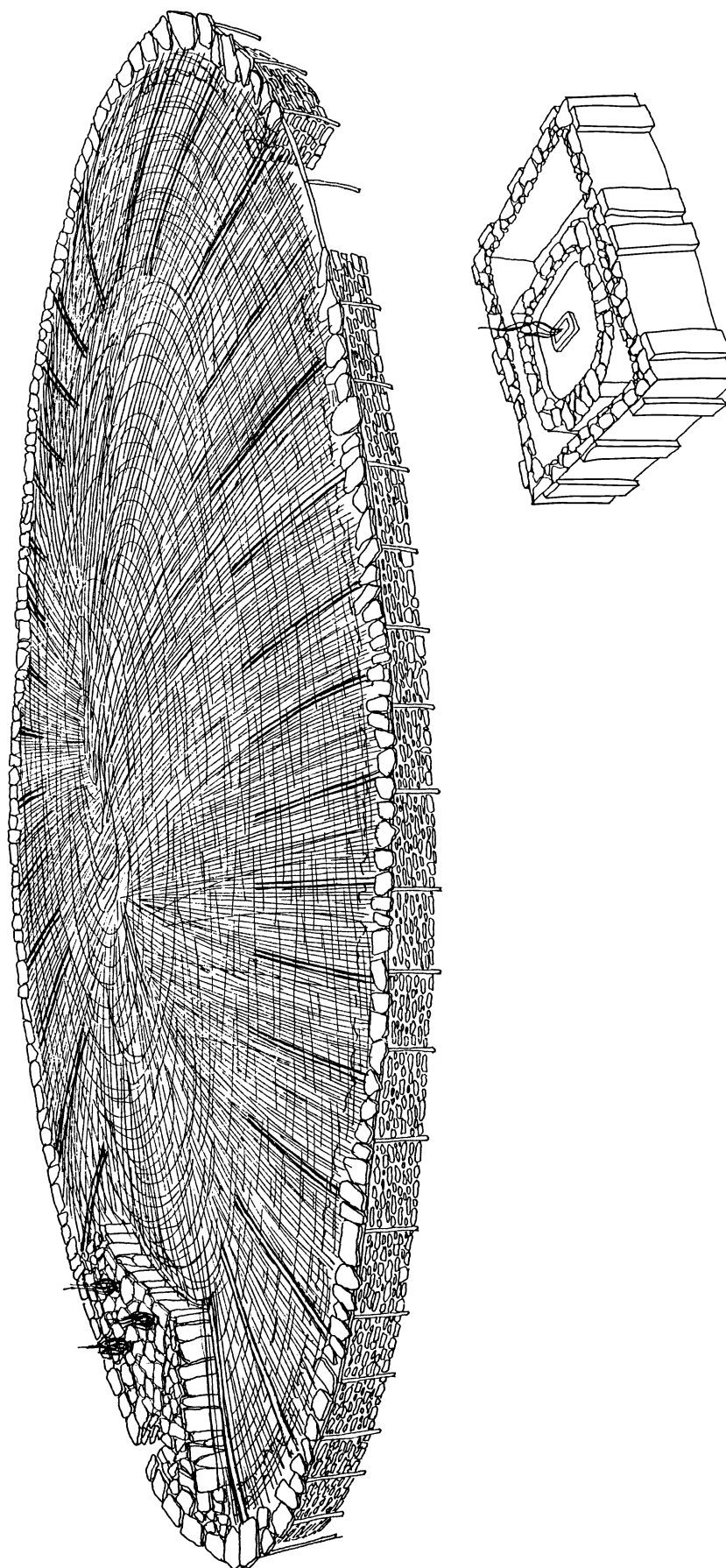
Курган 1. 1. Схема устройства сооружений кургана;
2. Фрагмент стены «ограда» (узел «А»); 3. Разрез и профиль северо-западной части кладки «ограда».

Курган 1. План центральной части кургана.

Курган 1. Реконструкция каменных сооружений и плетней внутри крепиды.

Курган 1. Реконструкция погребальных сооружений до перекрытия их насыпью кургана.

1

2

3

Курган 1. 1. Профиль северной части бровки, вид с запада; 2. Профиль южной части бровки, вид с востока; 3. Сохранившийся участок «ограды».

К ТАБЛИЦЕ 77 Общий вид погребальных сооружений кургана 1.

1

2

Курган 1, южная гробница. 1. Детали уздечки 3 между плитами заполнения; 2. Захоронение упряжных коней 1 и 2.

1

2

Курган 1, южная гробница. 1. Фрагмент захоронения упряжных коней 1 и 2 с деталями узды на черепах; 2. Череп коня 1 с деталями узды.

1

2

Курган 6, западная часть могильной ямы. 1. Черепа коней 1 и 2 с деталями упряжи; 2. Детали упряжи между скелетами коней 2 и 3.

Курган 6, западная часть могильной ямы. 1. Конь 6 с удилами и псалями; 2. Череп коня 6; 3. Конь 5 с удилами и псалями.